

СПОРТИВНАЯ СТРАСТЬ

Алекс Винтер

КЛУБ
АНОНИМНЫХ
ЦАРИЦ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В50

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии А. Зинина

Винтер, Алекс.
В50 Клуб анонимных цариц / Алекс Винтер. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211716-9

На турецком курорте убит российский тренер Артемий Солнцев, прославившийся как наставник фигуристок-чемпионки и знатный сердцеед. Всех своих многочисленных дам он нежно называл царицами. Возможно, одна из них его и убила: экспертиза показала, что удары ножом нанес далеко не силач, даже слабая женщина справилась бы...

Убийство известного иностранца расследует турецкий следователь Селим Курт, которому помогают его коллега из России Агата Лебедева и агент Интерпола Лонго. Интерес к этому делу Интерпола становится понятен Агате и Селиму далеко не сразу. А когда он наконец проясняется, оказывается, что следователи и сами находятся в смертельной опасности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Винтер А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211716-9

*Все события данной книги вымышлены,
а совпадения случайны.*

ПРОЛОГ

Тяжеловесный, высокий мужчина, что стоит, скрючившись, у каменной стены, решает продолжить свой путь или хотя бы попробовать, хотя это — бесполезная трата сил. В висках бухает набат, а глаза заливают холодный пот — или же это слезы отчаяния? Тьма все сгущается, а может, ему это только кажется, ведь редкие фонари горят все тусклее и тусклее. Впереди лишь узкая улочка, мощенная булыжником, убедительная имитация старинной брусчатки, невысокие дома с редкими вывесками на чужом языке. Облизнув пересохшие губы, он чувствует на них соль. Море совсем рядом. И он упрямо идет к нему, думая, что там станет легче. В этот поздний час за темными окнами курортного городка не движется ни одна тень. Жизнь замерла где-то час назад, так что высокому мужчине не повезло. Чуть раньше его могли бы заметить и оказать помощь, но сейчас на улице пусто. Торговцы появятся не раньше десяти, открыв лавчонки со специями и фруктовым чаем, что наливается красным в прозрачном стаканчи-

ке в форме тюльпана. Пятно на рубашке мужчины тоже красное, но куда темнее. В предрассветный час все куда темнее, поскольку ночь неохотно уступает свои права. Телефон мужчина уронил где-то раньше и сейчас вроде бы вспоминает: да, тот жалобно брякнул о мостовую и, может, даже разбился. Это была его единственная попытка вызвать помощь до того, как в голове помутилось от потери крови.

Высокий тяжеловесный мужчина, спотыкаясь, волочит ноги, бредет вдоль бесконечных каменных заборов улицы Сьюмбуль и, ориентируясь на далекий шум волн, сворачивает не туда, в сторону, противоположную крохотному отелю с громким именем греческого морского бога. Он все шагает, не зная куда и откуда. Все, что он должен делать, это двигаться, переставлять непослушные ноги, пока они еще могут его нести. Шум прибоя в ушах затихает с каждым шагом. Если бы ему хватило сил дойти до «Тас Мотеля», он мог бы свернуть на улицу Каранфил, где больше шансов встретить прохожих, а оттуда, пройдя по каменистым улочкам, добраться даже до храма Аполлона, чьи руины привлекают сотни туристов, там даже ночью можно встретить загулявших зевак. Если бы он хоть на минуту оглянулся, то сообразил бы, что помощи ждать неоткуда, он один-одинешенек в чужой стране, и лучшее, что он мог бы сделать, это остано-

виться и сберечь остатки сил. Но он тратит их, чтобы пересечь улицу Сьюмбуль, шатаясь как пьяный. Подняв свободную руку, вытирает пот и в предрасветной тьме видит дверь. Это ворота из стали, за которыми скрывается гараж, и они открываются, а внутри горит свет. Высокий мужчина делает в их сторону слишком быстрое для его состояния движение и снова падает, сперва на колени, а затем, осознав, что подняться уже не может, на бок, зажмурившись от боли. Оторвав руку от раны, он тянет ее к открытому гаражу и хрипит, пытаясь привлечь внимание человека, который, кажется, собирается куда-то выехать на своем внедорожнике и, если сделает это, непременно перемелет колесами тело почти мертвеца.

Небо на востоке светлеет. Хозяин гаража забирается в машину и включает фары. Их лучи бьют в стену напротив. Мотор автомобиля рычит, внедорожник медленно выкатывается из гаража, и теперь его фары выхватывают тело в светлом костюме из льна. Высокий мужчина понимает, что его заметили, и с облегчением выдыхает, закрывает глаза и переворачивается на спину. В эту минуту он пытается вспомнить лицо своего убийцы, которое на мгновение показалось ему знакомым, но у него ничего не выходит. Сознание путается. Высокий мужчина, чье сердце бьется все тише, беспомощно улыбается. Ему хочется открыть глаза, но

он уже не может это сделать. И в эти последние для себя минуты угасающая память милосердно подсовывает ему почти безмятежную картинку: хрупкая девочка вращается на льду и взлетает в воздух. Он отчетливо видит ее лицо с огромными голубыми глазами, слышит смех, ликование трибун, а потом кто-то выключает в его голове прожекторы. В надвигающейся тьме девушка в коротком ярком платье ускользает от него все дальше, а музыка стихает, пока не замолкает совсем. И к тому моменту, когда хозяин гаража решает вызвать полицию, высокий мужчина уже мертв.

ГЛАВА 1

На трибуне так холодно, что Полина кутается в плотную толстовку, но от той нет никакого толку, и она трясется всем своим телом, но не уходит, смотрит — жадно впитывает — программу новоиспеченной чемпионки мира. На льду Алиса Серебрякова, звезда, царица льда, роскошная, красивая и талантливая. Ее катание настолько невесомо, что кажется, будто фигуристка парит в воздухе. Этого нельзя добиться никакими тренировками, с этим нужно родиться. Глядя, как Серебрякова приземляется после двойного риттбергера, Полина с завистью думает, что Алиса легка, как пушинка. Полина переводит взгляд на собственные ноги, которые кажутся ей слоновыми. Поодаль за прокатом наблюдают двое: тренер Серебряковой Софико Торадзе и Артемий Солнцев, который работает с Полиной. Оба сосредоточены, почти злы, хотя Алиса бесподобна, но тренер всегда найдет огрехи. Программу для Серебряковой придумывал как раз Солнцев, и Полина чувствует жгучую зависть. Ее собственная программа кажется ей примитив-

ной и убогой. Но чемпионки всегда получают самое лучшее.

В спирали Шарлотты Серебрякова великолепно, как фарфоровая статуэточка. Поодаль сидят девчонки из команды и негромко переговариваются, обсуждая Алису, но Полина уже не смотрит на нее. Ее взгляд прикован к профилю Солнцева, который то и дело недовольно поджимает губы, но в глазах его читается восторг.

На нее он так не смотрит. Никогда.

Серебрякова завершает программу и, уперев руки в бока, с хмурым видом медленно подъезжает к бортику послушать замечания. Девчонки поднимаются, берут сумки и пробираются к выходу, больше им смотреть не на что. Проходя мимо Полины, Ксения Журавлева окликает ее:

— Поль, ты домой не идешь?

— Я еще посмотрю, — чуть слышно отзывается она. Ксения хмурится и оборачивается: на льду пусто, смотреть больше не на кого, через полчаса сюда влетят хоккеисты. Затем ее взгляд натывается на Солнцева. Ксения криво усмехается и глазами показывает подружкам на Полину, а потом на тренера. Те так же гадко ухмыляются. Полина делает вид, что не замечает.

— Ну, пока, — прощается Ксения.

— Пока, — шепчет Полина, не глядя на нее. Пусть думают, что хотят. Если Солнцев сейчас

уйдет один, она последует за ним, чтобы поговорить. Он должен оценить ее старания, она уже очень многого добилась, причем за короткий срок. Но Солнцев уходит вместе с Торадзе, а следом за ними, понуро опустив голову, удаляется Серебрякова, скорее всего, ей сейчас достанется, хотя никаких огрехов в ее прокате Полина не видела. Разговор тренеров может затянуться, но она готова подождать.

В животе вдруг начинает бурчать. Полина стремительно вскакивает и несется в туалет, врывается в свободную кабинку, падает на колени и извергает скудное содержимое желудка в унитаз. Отплевываясь и откашливаясь, вытирает слезы, потом замечает, что пряди волос испачканы комочками рвоты. Морщась от отвращения, она стирает слизь с волос кусками туалетной бумаги и нажимает на смыв. В раздевалках есть душевые, и пока еще она успевает привести себя в порядок.

Полина раздевается и становится под душ, яростно смывая с себя остатки рвоты и слез. Легкий макияж накрылся, но лучше уж эта стерильность, не скрывающая мешков под глазами и пересохших губ, чем кислая вонь. Шампуня в бутылочке не осталось, и Полина набирает туда воды и льет пузырящуюся жижу на волосы, яростно втирая ее в кожу, но, даже смыв мыльную пену в третий раз, чувствует слабый тошнотный запах.

Когда она, голая, выскакивает в раздевалку, там уже стаскивает с себя спортивный костюм Серебрякова. Алиса швыряет вещи в сумку не глядя, поднимает голову на Полину и кивает с полным равнодушием, после чего, обернувшись большим полотенцем, идет в душ, едва не врезавшись плечом в Полину. Та шарахается в сторону и заискивающе говорит:

— Привет.

Алиса не слышит, но Полине все равно. То, что Серебрякова здесь, означает, что их обсуждение с Солнцевым закончилось, и если Полина поторопится, то успеет поговорить с ним. Она торопливо натягивает спортивный костюм и, не досушив волосы, спешит к выходу, попутно прокручивая в голове, что она скажет тренеру. Бежать по лестнице ей тяжелее всего, в висках вдруг начинает биться кровь, в глазах темнеет. Чтобы не упасть, она хватается за перила и шарит в кармане, нащупывая баночку со взбадривающими таблетками. Внизу, в холле, мелькает знакомый силуэт. Полина чертыхается, закручивает крышку баночки и ускоряет шаг.

Артемий уже на улице. Он быстро шагает к своему «мерседесу», холодный ветер раздувает его длинные волосы. Полина догоняет его у самой машины. В голове мелькает трусливая мысль: что скажет мама, если узнает, что дочь как дура втюрилась во взрослого мужчину, да еще своего трене-

ра. Она торопливо вышвыривает мысль из головы и робко улыбается:

— Здравствуйте.

Солнцев неуклюже оборачивается и дежурно улыбается, но ей кажется, что он искренне рад ее видеть.

— А, Поля... Здравствуй. Как ты себя чувствуешь?

— Я? Нормально, — пугается Полина. — Почему вы спрашиваете?

— Ну, мне врач вчера сказал, что ты упала после тренировки. Ты не болеешь? Мне кажется, ты как-то осунулась.

— Да все в порядке, — улыбается Полина и думает: какой заботливый, переживает за ее состояние. — Я следую вашим указаниям, сижу на диете. Результат впечатляющий, еще буквально пара кило — и я войду в нужный вес. Мне все лучше даются прыжки, я заметила.

— Ну правильно, ты же легче становишься, — согласился Солнцев. — Мне ехать надо. Тебя подкинуть куда-нибудь? Или ты на такси?

— Меня...

Ей хочется сказать — до дома, и лучше до твоего, где я могу принадлежать тебе без остатка, где ты заметишь, на что я пошла ради тебя, тебя одного, без оглядки на медали, места и статусы. Но вместо этого она произносит непослушным языком:

— До метро, если можно.

Настоящий мужчина, думает она, когда он галантно распахивает перед ней дверцу своего двухместного «мерседеса» и усаживает внутрь, словно она из хрусталя, будто и не было тех дней, когда он орал на нее на катке, уверяя, что она жирная корова, которой по ошибке выдали коньки, и ничего в этой жизни не добьется. А она плакала в раздевалке, на глазах у девчонок, которые молчали и не пытались утешить. Но он, безусловно, прав. Тренер должен быть жестким, иначе ничего не получится.

В его машине пахнет кожей, автомобильным парфюмом и мужчиной. А еще машина успела остыть, и Полине холодно, смертельно холодно. Она потирает свои посиневшие пальцы. Солнцев, сев за руль, сразу замечает это, включает печку и вдруг берет ее ладошки в свои.

— Замерзла? — участливо спрашивает он. И Полина тает от его прикосновений, откидывается на спинку сиденья и на миг закрывает глаза, а он наклоняется над ее руками и дышит на тоненькие пальцы несчастной фигуристки, что позволила себе такую откровенную глупость, как любовь.

— Лучше? — вкрадчиво спрашивает он. В глазах Артемия, черных, глубоких, как омуты, пляшут красные черти. Полина неловко освобождает ладони.

— Да, спасибо, — шепчет она.

До метро ехать всего ничего. Когда машина останавливается, Полина надеется, что Артемий передумает и отвезет ее куда-нибудь еще, не важно куда, лишь бы сидеть рядом с ним, вдыхать запах его одеколона, можно даже молчать, но лучше пусть говорит. Только не про лед, не про ее катание и тем более не про ее вес. Пусть скажет, что она красивая, исключительная и ему с ней очень повезло. Но он ничего не говорит, останавливает машину. Проезжая часть забита другими автомобилями, так что он на сей раз не бежит открыть ей дверцу и не помогает выйти. Полина выходит, забирает сумку и робко говорит:

— До свидания.

— Пока, — безмятежно прощается Солнцев. Машина срывается с места, из-под колес летит жидкая грязь. Полина вздыхает и плетется в метро, волоча ставшую неподъемной сумку. Адреналин, что поддерживал ее последние минуты, откатывается в мертвую точку. Она минует турникет и подходит к эскалатору. На ступеньках ее вновь охватывает дурнота. В метро душно. Толпа рвется к поезду, но Полина отходит в сторону и садится на скамейку. Сердце бухает в груди, словно вот-вот выпрыгнет. Она шарит в кармане и вынимает пузырек, непослушные пальцы слишком резко срывают крышку. Таблетки рассыпаются и весело скачут по полу, под

ноги пассажирам, что без всякой жалости топчут их. Полина тупо глядит на них, а потом сама падает туда же, не слыша испуганных вскриков.

* * *

Мертвецу на вид было около пятидесяти. Мужчина лежал на спине, закатив глаза под набрякшие веки, отчего казался слепым. Темно-русые волосы были подернуты сединой, левая рука закрывала зияющую дыру в животе, вторая рана была выше. Дорогая хлопковая рубашка почти почернела от крови, светлые брюки были испачканы кровью почти до колен. Капли остались и на светлых туфлях, тоже недешевых. Осторожно отогнув шариковой ручкой полу рубашки, Селим спугнул жирных мух и почувствовал тошноту, будто видел покойников впервые. С трудом сдержав рвотный позыв, он поднялся и оглядел улицу. Бурые капли уходили за поворот. День обещал быть жарким, солнце стояло уже довольно высоко, поэтому покойника следовало как можно скорее убрать с улицы. Скоро к храму Аполлона потянутся туристы, и кто-нибудь обязательно потащится по улице Сюмбуль, начнет фотографировать, выкладывать фото в интернет, и тогда прости-прощай оперативность. К тому же на такой жаре труп начнет портиться очень быстро. Судмедэксперт за это спаси-

бо не скажет. Селиму померещился тошнотворный запах, и он торопливо отвернулся.

Его дежурство завершилось, он даже сбежал из участка, под бок к своей любовнице Джайлан, молодой вдове, с которой спал уже с полгода. Она жила очень удобно, недалеко от участка, и в те ночи, что ему приходилось торчать на работе, он прихватывал рацию и шел к ней на вкусный ужин, который всегда завершался одинаково — в постели, где Джайлан с удовольствием шла навстречу всем его желаниям. Каждый раз он думал, как ночью будет мять ее мягкое рыхловатое тело, и только это могло примирить его с суровой действительностью. Дома, конечно, будет скандал. Жена Асия, как гончая, обнюхивала его одежду и каждый раз набрасывалась с яростью фурии, а он обычно отмалчивался, слишком усталый и измученный. Вот и сегодня Джайлан в порыве страсти расцарапала ему спину, хотя он всегда просил ее быть осторожнее, но она объясняла, что не может сдерживаться. Врала, конечно. Хитрость Джайлан была шита белыми нитками: жизнь вдовы тяжела и безрадостна, тащить на себе хозяйство одной тяжело. Устранить соперницу и прибрать к рукам инспектора криминальной полиции было очень соблазнительно. Асия увидит царапины и примется орать так, что опять под окна сбегутся все соседи, а трое сыновей станут прятаться в кладовке.

Ну и пускай. Он не знал, зачем остается с этой давно нелюбимой женщиной, утешал себя, что ради детей, но это было враньем. По городу, в самых разных районах, Селима ждали несколько женщин, готовых принять его в любое время. И его это устраивало, поскольку каждой он мог сказать, что женат и ничего не может изменить.

— Ты сокрушительно красив, — шептала ему Джайлан по ночам. Ей нравилось это слово: «сокрушительно», Джайлан применяла его по поводу и без, что всегда выглядело смешно или мило. Вроде фразочки: «Иди ужинать, я приготовила тебе сокрушительно огромную отбивную» или же: «Сегодня ты был просто сокрушителен, мой тигр». Селим смеялся, отмахивался, но ее лесть грела сердце. Жена уже давно не говорила ему ничего приятного.

В воздухе чувствовалась горькая соль. До моря тут было рукой подать, быстрым шагом можно уложиться в четверть часа. Деревья вокруг давно покрылись красными и желтыми цветами. Самое благодатное время, потом наступит сезон удушливой жары, когда на улицу не выйти, а служебная форма после целого дня стоит колом. Селим бросил взгляд в сторону служебного «Форда Транзит», где можно было включить кондиционер на полную и немного подремать перед возвращением домой.

— Что скажете, инспектор? — с жадным интересом спросил Карталь, совсем еще молодой,